

Олег Губарь

Путеводитель по пушкинской Одессе*

Коблевская улица

В Одессе нынешняя забегаловка «Семь ветров» имеет вполне определенную репутацию. Расположена она не на перекрестке, не на «пяти углах» даже, как легендарная развязка старого Петербурга, а много круче. В створе улицы Гулевой, на стыке Коблевской и обширной Соборной площади, куда обе интенсивно вдуваются. Обратная же тяга, с Соборки, еще избыточнее. Место проходное, продувное, публика ветренная. Во времена развитого социализма – ничем особо не примечательная блинная, по сути, рюмочная, каких в ту пору было немало. При недоразвитом капитализме – фактически осталась в прежнем жанре, в чем и притягательность. В двух шагах от Дерибасовской, но при этом камерно и просторно одновременно, демократично, относительно «дешево и сердито».

Постепенно, поэтапно вся тусовка продвинутых разгильдяев типа всяческих художников, музыкантов, фотомастеров, музейщиков, галеристов, пишущей братии и тому подобных типов перекочевала сюда с насиженных мест, из тяготевших к Гаванной улице кофеен и баров – «Зоси», «Ласточки», «Гаванны», «Паруса» «Этюда» и проч. В связи со вздорожанием аренды и соответственно услуг, а то и с полной ликвидацией означенных заведений – по той же причине. Жизнь берет свое, точнее, по наблюдению моего друга Саши Розенбойма, она берет как раз наше. Ушли излюбленные дешевые «наливайки», а с ними рельефнейшие персонажи: художники Юра Коваленко, Ваган Ананян, Валя Сиренко,

* Продолжение. Начало в кн. 64, 66-82.

Саша Дмитриев, композитор Женя Лапейко, поэты Игорь Павлов и Яша Качур, керамистка Катя Четкина. Да мало ли... Ювелир Хвостанцев... Громогласная Роксана (родственница видного историка и коллекционера Коциевского, тоже покойного), служившая реализаторшей на сувенирном базарчике в Городском саду и там же по заказу и совместительству рифмовавшая слова...

Они (мы), конечно, пропойцы, но, в общем, люди привлекательные, периодически полные, как непечатый шкалик. То, что как бы присутствует в пространстве, помимо Интернета (он же сеть, он же паутина). Некая не виртуальная живинка. И хотя в данный момент «Семь ветров» заметно ожлобели, здесь все еще можно глотнуть и покудахтать с вялым цветом университетского истфака, грамотными музейщиками, коллекционерами, отставными растаманами и др. Здесь блистают и меркнут философ Кукуручкин, культуртрегеры Абрамов, Голубовский, Кохрихт, художники Верещагин, Войцехов, Волошинов, Ивченко, Гусев, Костюченко, Наумец, Милович, Чипигин и т. д. и прочее, фотохудожники Шевчук, Череватенко, Исаев, Бойко, Алемян, галеристка Голубовская, поэты Борушко (и его Пушкинский фестиваль в полном составе), Векслер, Попов, Четвертков (поэтам и музыкантам, как и художникам, здесь несть числа), сомелье Рубен Ашрафиан, керамисты Дмитрук, Стайников, Евстратова, академик Пойзнер, оперный вокалист Носырев, краевед Виноградов, атаман Юра, боксер Керимов, вечный сиделец Борман и масса других достойнейших людей, вроде меня.

Колокольни портрет угловатый. Стол качается шероховатый. Спит обслуга – извечный покой. «Эй, подруга, не дрыгай ногой!» Синеглазка, подстилка, дешевка говорила про Ясперса долго, про девичество, красный диплом, про всеобщий и полный облом. Над столешницей клейкой и шаткой ворковала смешной куропаткой. Визави стрекотал Зубоскал, обнажая зубчатый металл. Я на Пасху, а может, на Пейсах заседаю меж судей третейских: кто кого и когда и почему и куда завсегда и на чём. Небожитель с кудрявым барбосом в кружке пива присутствует носом. Ржут клаксоны. Ревут тормоза. У собачки слезятся глаза. Щуплый дядечка либо массивный заорет в никуда агрессивно – метрономом. На звоннице – бом! – отзовется другой метроном. Там звонарь, интенсивный пропойца,

«Колокольни портрет угловатый...»

с Зубоскалом поспорив на Троицу, прозвонил для присутственных рож «Миллион, миллион алых роз». И восстали из мертвых *мущины*, залипала слюной матерщина, столбенел беспечальный народ, «Куропатка» раззявила рот. Плачь, девица, о прошлом красивом, о себе, обо мне, шелудивом, лепечи, утешайся со мной сей соборностью твари земной.

Мы, алкоголическая общественность, действительные члены Клуба городских сумасшедших имени Володи Дубинина, провели здесь много незабываемых часов, которые сложились в счастливые месяцы. Мы окрасили место, и оно ответило нам взаимностью. Во имя столь гармоничных отношений

я и провел вполне серьезное исследование, касающееся старинного дома (собственно, целого квартала, ограниченного улицами Коблевской, Дворянской, Садовой и Соборной площадью), где базируется офис «Семи ветров», наполнявших его лиц и учреждений в контексте определенных ретроспективных обстоятельств. Предполагаю, собеседники и собутыльники примут мои ученые записки с пониманием и благодарностью.

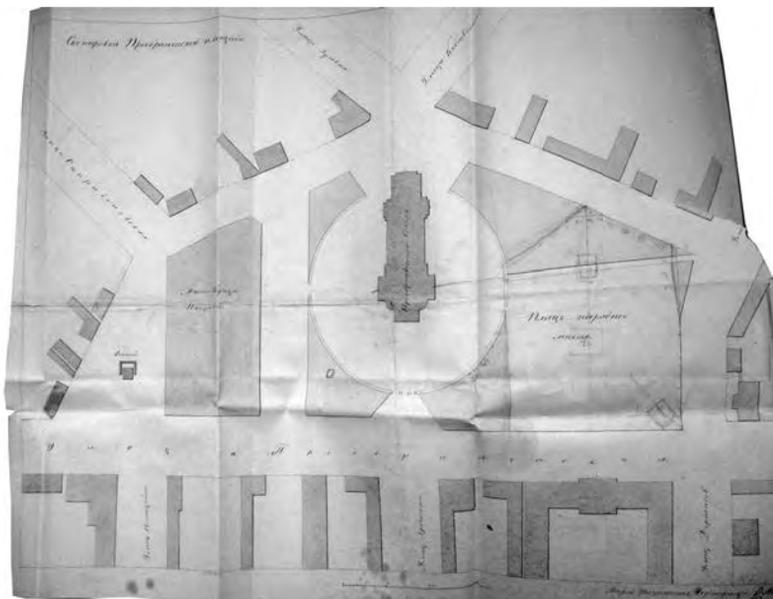
* * *

Соборная площадь – грандиозная, циклопических для едва рождающегося на голем степном плато города размеров – предусмотрена самыми первыми планами Одессы. Планировщики, что называется, раззадорились и размахнулись. По целому ряду

причин строительство шло туго. Возведение соборного храма приостановилось, приход перевели в отдаленное временное помещение, площадь представляла собой громадный пустырь. Как видно из генерального плана 1802 года,¹ утвержденного монархом в 1803-м, ее периметр застраивался главным образом с будущей Преображенской улицы. Кварталы с противоположной стороны включали лишь единичные разобщенные строения.

Ситуация улучшилась после 1803-го с созданием Одесского строительного комитета, имевшего в своем составе квалифицированных специалистов, некоторые суммы и функционировавшего под эгидой демократичного де Ришелье. Но и после этого из-за недостатка ресурсов еще долго ощущался острый дефицит в более-менее комфортабельных строениях для размещения различных учреждений, квартирования чиновников и офицеров. Формировались, мужали административная, социальная, коммерческая инфраструктуры, что требовало все новых и новых казенных зданий и сооружений. Помимо дорогостоящей гидротехники были необходимы крепость, казармы, склады, адмиралтейство, морская таможня и сухопутные таможенные заставы, карантин, маяки, мосты, колодцы и пруды, административные здания (включая дома для генерал-губернатора, градоначальника и их канцелярий, Думы, магистрата, полиции, тюремного замка, пожарной команды, почтовых служб, того же Строительного комитета и др.), биржа, банк, военный и гражданский госпитали, богадельня, храмы, учебные заведения, типография и проч. Поэтому состоятельные домовладельцы уже на первом этапе существования Одессы сдавали свою недвижимость в аренду.

История «Семи ветров», где кучкуется относительно интеллигентная публика, мистически, как теперь говорят при каждом удобном и неудобном случае, сопрягается с ранним этапом формирования системы городского просвещения. Учитывая очень конкретное функциональное назначение города, она начиналась 16 апреля 1804 года с коммерческой гимназии,² в которой, понятно, наблюдается довольно широкая палитра сословного представительства. В составе воспитанников (1806-1809) – дети служивых и не служащих дворян, чиновников, священников, купцов, иностранных подданных.³ Примерно тогда же французом

План Соборной площади, 1840-е гг.

Пьером де Вольсеем был основан частный благородный пансион, и тоже под опекой де Ришелье. При этом публика явно отдавала предпочтение частному учебному заведению, в котором потому и было больше воспитанников: в 1805-м – 43.⁴

Сюжет этот в общих чертах довольно хорошо проиллюстрирован в регионально-исторической литературе. Хочу обратить внимание на другое важное обстоятельство: хотя благородный пансион был частным учебным заведением, администрация города и края безвозмездно обеспечивала его помещениями – учебными, жилыми, служебными. В противном случае оно просто не сумело бы выжить по указанной выше причине – высокой арендной платы на крайне дефицитные комфортабельные помещения.

Коммерческая гимназия, из которой вырос Ришельевский лицей, получила под заселение одно из первых масштабных казенных строений – «дом главного воинского начальника» меж

будущими улицами Дерibasовской, Екатерининской и Ланжероновской, перестроенный и переоборудованный за казенный же счет, а затем еще и отреставрированный после пожара.⁵ Это тоже известный мотив, на котором нет нужды останавливаться, имея, однако, в виду, что на время восстановления сказанного здания гимназия временно находилась в другом месте. Под нее и пансион Вольсея Одесским строительным комитетом арендовались солидные частные дома. Какие? Два первых адреса – дома Кирьякова и Андрияша. Что за люди, и где находились здания?

* * *

Михаил Михайлович Кирьяков (Кириаков) (1766-1825) – один из основателей Одессы, сподвижник де Рибаса и де Ришелье, главный надзиратель Комиссии (Комитета) по отстройке гавани (1800), директор Хаджибейской (Одесской) таможни, херсонский губернский предводитель дворянства, пушкинский знакомый,⁶ владелец имения Ковалевка, коллежский советник и т. д. и прочее. Застройщик архаической эпохи, он в разное время получил несколько участков. Интересующее нас место застроено меж 1802-м и 1805-м годами. Дом Кирьякова отсутствует на упомянутом выше плане Ферстера 1802-1803 гг., но четко отмечен на плане Фраполли 1807-го.⁷ Мы можем даже получить некоторое представление о его внешнем облике.

Дело в том, что в период катастрофической чумной эпидемии 1812-1813 годов Кирьяков утратил владельческие документы на это строение. В 1816-м он обратился в Строительный комитет с прошением, в котором, между прочим, пишет: «На оных (местах. – О. Г.) выстроен был много прежде дом с деревянным верхним этажом, который уже по ветхости сломан, и вместо оно-го выстроил я имеющийся ныне каменный. Бумаги о сем, какие были, во время чумы затеряны, а как в подтверждение всего владею я оными местами и строением на них гораздо более десяти лет, то уже никакого стороннего претензии к оным быть не может».⁸ В первичном строении с деревянным верхним этажом и располагался на первых порах благородный пансион. В 1806 году Кирьяков получал от Комитета солидную арендную плату – 500 рублей в полугодие.⁹ Новый дом Кирьякова на углу Коблевской

(нечетной) и Дворянской (нечетной, № 17) сохранился до сих пор, это поистине живое пушкинское место.

Андрияш – фигура практически неизвестная. Но поскольку каким-то чудом сохранилось описание его могилы на разрушенном в середине 1930-х Первом городском кладбище, постольку я собрал о нем кое-какую информацию в ходе написания монографии об этом погосте.¹⁰ *Константин Иванович Андрияш (Андрияш, Андриаш)*, полковник, надворный советник (в 1799-1800 гг. – титулярный советник), служил в Одесской портовой таможне, одесский старожил, домовладелец и землевладелец (хутор в 25 десятин на Водяной балке, близ пудреной фабрики Пишона, с разнообразными строениями, загонами для скота, птичниками, сельскохозяйственными орудиями, посудой, колодцами, скотом, домашней птицей, топливом, лесоматериалами и прочим он приобрел 3 октября 1799 года и владел им, по крайней мере, в 1808-м), попечитель сооружаемой соборной церкви во имя Святого Николая, венгр по происхождению. Скончался 21 июля 1812 года. Супруга, наследница его, не позднее начала декабря 1814 года

Дом Кирьякова. Снимок Натальи Евстратовой, 2019 г.

вступила в брак с губернским секретарем Базыкиным. В 1806-1814 годах город арендовал принадлежавшие ему, а затем его наследникам дома на углу нынешней Соборной площади и Садовой улицы для размещения Благородного пансиона и Девичьего училища. В 1809-м в этом училище воспитывались Элиза (6-ти лет) и Севастьяна (9-ти лет) Пети-Андрияш. Синхронно с Кирьяковым Андрияш получал за аренду дома равнозначные суммы.¹¹

* * *

Здесь мы понемногу переходим к основной теме данного раздела наших «ученых записок» – домам, занимаемым Девичьим училищем, а точнее – девичьим отделением Благородного пансиона. Если называть вещи по именам – первичным Одесским институтом благородных девиц. В котором из двух названных домов учились мальчики и юноши, а в каком девочки и девушки? Вероятно, девочки изначально обосновались в старом доме Кирьякова. Почему? 4 марта 1809 года в Строительном комитете слушали доклад директора гимназии Вольсея о намерении заведения девичьего пансиона в доме надворного советника Андрияша. Ришелье распорядился отпускать ежегодно в продолжение четырех лет по 1.500 рублей из городских доходов.¹² Следовательно, раньше он находился в другом наемном доме.

Девичье отделение возникло почти одновременно с мальчиковым, с санкции де Ришелье. При чем руководила им супруга де Вольсея. Как самостоятельное учебное заведение оно выкристаллизовалось на рубеже 1809-1810 годов. На исходе 1810-го де Вольсей и его супруга оставили Одессу, управление обоими институтами приняла на себя административная комиссия. «Управление женским институтом было поручено г-же Поцци, образованной русской даме, умевшей снискать себе в городе большое доверие; она же заведовала приходом и расходом сумм, давая отчет членам административной комиссии».¹³

Убедительные архивные первоисточники однозначно фиксируют пребывание автономного Девичьего института в доме Андрияша, но к этому мы еще вернемся. Сейчас нас будет интересовать семейство итальянского происхождения, Pozzi (Поцци). Анастасия Дмитриевна Ризо, воспитанница одного института

с 1810 года, представительница известного рода, в честь которого поименована улица Ризовская, вспоминала: «Учение прекратилось (в период эпидемии чумы. – О. Г.); осталась директриса Поцци с мужем и взрослою дочерью. Сам Поцци учил пению, добрый, славный учитель, а дочь смотрела за воспитанницами. Мадам Поцци, слабого здоровья, редко выходила к нам, а дочь ее была строгая: мы боялись ее. Мы больше сидели на втором этаже, сильно скучали за герцогом (де Ришелье. – О. Г.).¹⁴

Хотя дом Андрияша был двухэтажным, однако не удовлетворял запросам Девичьего благородного института. Натерпевшись, супруги Поцци обратились в Строительный комитет с деловым предложением: если Комитет выдаст им ссуду на строительство надлежащего здания со службами для института под соответствующие проценты, то пусть далее пользуется этим домом до той поры, пока владельцы не погасят свой долг в соответствии с ежегодными вычетами арендной платы. Другими словами: вместо того чтобы то и дело нанимать и постоянно приспосабливать разные приватные здания, выстроить именно то, что требуется. Несмотря на солидный расход, предложение это было целесообразно и выгодно в перспективе.

Вот тут-то и начинается собственно история «Семи ветров».

* * *

Искомое место отведено «24 июля 1811 года по незастроению майором Дахновым» в ответ на запрос от 26 июня.¹⁵ «Образованная русская дама», госпожа Поцци едва ли была русской. Во всяком случае, 1 июля 1812 года «иностранка Катерина Оставевна Поцци» обращается в Строительный комитет (прошение подписано супругом Шарлем Поцци) с жалобой на соседа майора Дахнова, который мешает ей осуществить строительство напротив церкви Святого Николая. Строптивый вояка построился раньше по нынешней улице Коблевской – места отведены в 1802-м, в 1810-м его дом находился в залоге,¹⁶ – однако не освоил все пять выделенных ему участков. На самом углу вместо дома находился лишь сарай, а потому по существовавшим правилам два не застроенных плановым домом места отобрали и передали в другие руки, но с тем чтобы новый владелец компенсировал прежнему хозяину затраты по каким-ли-

бо фактически существующим сооружениям. Комитет и постановил, чтобы Поцци компенсировали Дахнову 150 рублей за сарай, что они и сделали 22 июля 1812-го. Тяжба, однако, продолжалась до ноября 1816-го, ибо уже дежурный подполковник полтавского ополчения Дахнов несколько раз жаловался в Петербург.¹⁷

Время выдалось более чем суровое: Одесса стояла на пороге жуткой чумной эпидемии. Строительство приостановилось, многих воспитанниц Девичьего института разобрали родители, оставшиеся, включая Настю Ризо, оказались в заточении в доме Андрияша. Смерти вопреки в апреле 1813 года Катерина Поцци завершила строительство, и 21-го числа получила владельческие документы.¹⁸ Предварительно постройки освидетельствовал городской архитектор Франческо Фраполли и нашел, что они отвечают утвержденному Комитетом плану.¹⁹

По ряду причин институт не сразу выехал из дома умершего к тому времени Андрияша. Супруги Поцци не успели должным образом оборудовать новое здание и службы. Катерина болела, а в 1814-м ушла из жизни. Но еще ранее, после ликвидации эпидемии, ее сменила на посту директрисы Эмилия де Майе (Maueux).²⁰ Контракт с *Карлом (Шарлем) Поцци* был заключен 30 июля 1814 года, задним числом, институт перебрался в новое помещение еще 1 апреля. Дополнительные работы по дому осуществлялись под началом Фраполли: деньги Строительный комитет отпускал в счет аренды, то есть они вычитались из нее, что было вполне справедливо. Так, 24 августа 1814 года Фраполли получил под расписку 1.000 рублей, однако издержал вдвое. Помимо отдельных достроек, штукатурных и прочих работ, выкопали погреб объемом в 10 кубических сажений, облицованный шестивершковым камнем.²¹

Предусмотренные работы были завершены оперативно осенью, что не мешало функционированию Девичьего института на новом месте. Успевший полюбоваться этой симпатичной новостройкой и ее обитательницами, де Ришелье оставил Одессу, не предполагая, что больше не вернется. Временным градоначальником герцог назначил небезызвестного генерал-майора Ф.А. Кобле, военного коменданта, старожилы, любимца одесситов, дочь которого, Клавдия, такая же, как отец, добрячка, училась в институте в то самое время. Оставленный институтом дом,

у которого Кобле выставил караул, дабы ничего не растащили, Фраполли должен был сдать по описи губернской секретарше Базыкиной, в первом браке жене Андрияша.²² Ранее, в октябре 1813-го, «надворная советница Андрияшева» напоминала Комитету о том, что ей недоплатили 3.000 рублей за аренду.²³

Что касается Поцци, им ничего не надо было принимать по описи: оставалось только ждать, пока долг рассосется. Каким образом? Карлу Поцци было выдано 42.177 руб. 33 коп. из суммы, пожертвованной бароном Штиглицем «на построение такового дома, в котором можно было поместить девичий пансион: ибо ни город не имел приличного строения, ни Комитет не был в возможности построить оный».²⁴ В соответствии с упомянутым контрактом арендная плата за четыре года, начиная с 1 апреля 1814-го, составляла 16.000 рублей, она-то и вычиталась из суммы общего долга.²⁵ За вычетом средств, потраченных Фраполли на доработки. И так далее, до полной компенсации.

В 1818 году Комитет заключил с наследниками Поцци следующий арендный контракт – на пять лет, но в силу роста цен уже из расчета 6.000 рублей ежегодно.²⁶ Карл Поцци к этому времени тоже умер. Наследники – дочь Мария и сын Александр (в архивных документах он дважды назван Александром и однажды Алексеем). О сыне я пока не нашел внятных сведений, а вот о Марии, впоследствии единоличной наследнице, кое-что известно. Если помните, Анастасия Ризо говорит о взрослой дочери директрисы, строгой надзирательнице. В перечне воспитанниц Девичьего пансиона от 22 декабря 1809 года значится «Мария Поцци (9 лет)».²⁷ Сама Ризо родилась 17 апреля 1801 года,²⁸ то есть максимальная разница в их возрасте может составлять год с небольшим. Казалось бы, напрашивается вывод о наличии старшей сестры Поцци, но это не факт. Ризо отдали в институт маленькой дикаркой. Явившиеся с периферии дети молдавских и валашских бояр, а равно благородных греческих семейств вообще робели в окружении отпрысков российских аристократов и просвещенных иностранцев. А потому дочь директрисы вполне могла восприниматься как старшая. 12 апреля 1815 г. Мария Поцци перешла из лютеранской веры в православную, причем приемницей значится Надежда Россет.²⁹

* * *

В архивных документах Мария фигурирует как основная наследница Поцци. В 1818-м, когда ей было 18 лет, она уже значится супругой капитана Арнольди.³⁰ О нем тоже есть что сказать.

Общеизвестно, что *Иван Карлович Арнольди* – генерал от артиллерии, весьма заслуженный воин и в то же время довольно безнравственный господин, был вторым мужем (1815) Надежды Ивановны Россет, урожденной Лорер, матери знаменитой пушкинской «черноокой Россет». Не стану излагать скабрзные подробности постыдных приставаний отчима к красавице малышке – об этом пишут все кому не лень. Меня больше зани-

Иван Карлович Арнольди

мает та генеалогическая путаница, каковую посеяли два брака Надежды Лорер и три женитьбы Ивана Арнольди. Специалисты до сих пор не могут разобраться, какие дети (и сколько) от кого произошли. Так, их совместных сыновей нередко называют не единоутробными, а сводными братьями Александры Осиповны Смирновой-Россет, предполагая, что они родились в первом браке Арнольди. Карты путает и третья его женитьба, после кончины Надежды Ивановны (1825).

Все это, безусловно, занимательно, но для нас важно знать другое: каково родственное отношение этого Арнольди к супругу Марии Карловны Поцци? Разобраться не столь уж трудно, ибо фамилия Арнольди не так часто встречается в России начала XIX столетия. Это один из младших братьев Ивана Карловича – Петр, Осип (Июсиф) или Павел; все трое боевые офицеры. Младший

А.О. Смирнова-Россет

отпадает сразу, ибо начал службу юнкером в декабре 1813 года, в 1814-м был произведен в прапорщики и не мог в мирное время дослужиться до капитана в четыре года. Судьба Осипа после наполеоновских войн пока не прослеживается. Остается Петр Карлович. Действительно, военную службу он начал в 1801 году юнкером, в 1808-м был подпоручиком, а далее получал боевые ордена и производства в ходе военных кампаний. Был еще, правда, старший брат Александр, но в 1800-1801 годах он числит-

ся уже штабс-капитаном, а затем следы его совершенно теряются.³¹

Занятое совпадение. Иван Карлович Арнольди, отчаянный вояка, корыстолюбец, хам и волокита, в сражении под Лейпцигом был ранен в левую ногу, остался в строю, получил второе ранение в ту же ногу (ядром) и сделался инвалидом. Ходил он на деревяшке, стук которой позже так пугал маленькую Сашеньку Россет, однако продолжил службу, причем превосходно ездил верхом. Его брат Петр Карлович дважды ранен в правую ногу – в 1807-м и в 1813-м, но, к счастью, избежал ампутации. А еще говорят, что пуля дважды в одно и то же место не попадает... Иван и Петр, как и Павел – награждены орденами Святого Георгия, многими дру-

гими, золотым оружием. При каких обстоятельствах могли познакомиться Иван Карлович Арнольди и Надежда Ивановна Россет, урожденная Лорер? Вероятно, через Поцци, ибо Надежда, конечно, посещала упомянутые выше учебные заведения, в которых воспитывались ее младший брат Дмитрий Лорер³² и двоюродная сестра Любовь Лорер, соученица и ровесница Марии Поцци.³³ Между прочим, это тот самый Дмитрий Иванович Лорер, супруг княжны Варвары Григорьевны Волконской, который впоследствии был предводи-

телем дворянства Херсонской губернии, сердечно опекал своего брата-декабриста Николая Ивановича Лорера и даже завещал ему родовое имение.³⁴ Тут вся хронология сходится: брак Н.И. Россет с И.К. Арнольди, знакомство и брак М.К. Поцци и П.К. Арнольди по окончании военных кампаний. Марии на тот момент было около 18-ти, а Петру около 30-ти, вполне в традициях эпохи.

Наши расчеты убедительно подтверждаются воспоминаниями Сашеньки Смирновой-Россет, которая рассказывает, как на их приморский хутор прибыл капитан Петр Карлович Арнольди с сообщением о женитьбе своего брата на вдове Россет.³⁵ В цитируемом мемуаристкой дневнике матери упоминается «юнкер Поцци», то есть брат жены П.К. Арнольди, какового Надежда Ивановна направляла с поручением к госпоже Поджио, супруге Витторио Поджио, делового партнера Осипа Россета.³⁶

* * *

Однако мы далеко ушли от дома на семи ветрах, тогда как следующий этап его истории чрезвычайно интересен. Начало 1820-х годов ознаменовалось активизацией работ по городскому благоустройству и оформлению границ порто-франко. Строительный комитет заключил ряд серьезных подрядов по шоссированию, мощению, озеленению, дренированию и проч. Нарастала интенсивность гражданского и портового строительства, стали возводить первые каменные мосты, маяк на мысе Большой Фонтан. Обустраивался Приморский бульвар, ботанический сад, мостили важнейшие транспортные артерии – Херсонский, Карантинный, Ланжероновский спуски, осуществлялись гидрогеологические изыскания. В Одессе сконцентрировались военные инженеры, а с назначением графа М.С. Воронцова новороссийским генерал-губернатором и полномочным бессарабским наместником усилился приток более или менее высокопоставленных чиновников. Накатила новая волна дефицита приличных помещений для их размещения.

Еще граф А.Ф. Ланжерон на исходе своей «каденции», в марте 1822 года, постановил: дом наследников умершего иностранца Поцци, состоящий в Комитете в залоге, передать для помещения штаб- и обер-офицеров, платить за оный Комитету по 6.000 руб.

в год. Это здание следовало сдать в ведомство Думы, а для Девичьего пансиона нанять дом надворной советницы Акацатовой. Коллежский советник Кирьяков – опекун над имением Акацатовой – по соглашению с прочими опекунами объявил цену: 5.000 руб. в год. Условия были приняты, контракт заключен на три года, и при этом предусматривались перестройки, в частности, «нужное место» (то есть прозаический нужник). Согласно смете, составленной архитектором Ф.К. Боффо, предстояло издержать 1.661 руб. 50 коп. на переоборудование этого дома и служб.³⁷ 18 апреля 1822 года директриса Одесского благородного девичьего института Любовь Шедевер (чрезмерно строгая, чтобы не сказать злобная, Эмилия Майе была все же уволена, на ее место 12 марта 1817-го назначили престарелую графиню Генриетту де Фонтене, которую сменила Шедевер) доложила Комитету о том, что институт переместился из дома Поцци в дом Акацатовой 11 апреля.³⁸

Где он находился, и какое отношение имеет к нему Кирьяков? Дом и службы занимали два места на углу улиц Дворянской (№ 11) и Садовой (№ 14), в тылу упоминавшегося дома Кирьякова, где, как уже отмечалось, институт размещался в середине 1800-х. Участки эти отведены помещику Ольвиопольского уезда надворному советнику (что соответствовало чину подполковника, в каком-то качестве он также упоминается) Акацатову еще в 1804 году.³⁹ После его смерти часть недвижимости отошла вдове Аграфене Васильевне (этот сюжет нам тут без надобности), а другая – именно интересующие нас строения – дочери, коллежской советнице *Марии Николаевне Кирьяковой, урожденной Акацатовой*.⁴⁰ Теперь понятно, почему Кирьяков значится главным опекуном над ее имением. Весной 1824 года оценочная стоимость этого дома составляла 82.000 рублей, а дохода он давал уже не пять, а шесть тысяч рублей, то есть контракт о найме был пересмотрен и увеличен.⁴¹ Тогда же «дом профессора Поцци» оценен в 35.000 рублей при той же доходности.⁴² То есть недвижимость Акацатовой в ту пору была очень солидной.

Во время пребывания Пушкина в Одессе дом на семи ветрах продолжал находиться в ведении Строительного комитета, и в нем квартировали чиновники. Арнольди с супругой в Одессе

давно не жили, а лишь периодически переоформляли контракт о найме в счет погашения взятой покойным Карлом Поцци ссуды. 5 мая 1823 года за ними оставалась еще задолженность 6.369 руб. 84 коп. Прибывшему в город «майору Арнольди» предложили на выбор: либо продлить контракт с Комитетом еще на 2,5 года на прежних условиях, либо немедленно вернуть упомянутую сумму.⁴³ Судя по всему, меморандум этот уже не застал майора в Одессе, ибо он не отозвался. А в комитетском журнале от 18 августа 1823 года сказано: «Между тем в сем доме квартируют чиновники канцелярии господина градоначальника и Комитета. Они имеют кухни, и потому непременно нужен за ними присмотр во охранение от пожара...». Кроме того, они «имеют лошадей, и для них заготавливают сено в немалой пропорции...». Над домом витает опасность возгорания. Необходимо запретить чиновникам хранить пожароопасные запасы, решительно требовать бдения полиции, сторожей, трубочистов.⁴⁴

К сожалению, мне пока не удалось проследить последний этап принадлежности «нашего дома» семейству Арнольди во всех деталях, однако это обстоятельство нисколько не путает карты. Из архивных оценочных ведомостей видно, что в 1824 году он остается за ними, используется по тому же назначению и на тех же условиях, то есть по умолчанию они были приняты домовладельцами. Следовательно, уже на 1 апреля 1824-го долг по ссуде составлял только 369 руб. 84 коп., и вскоре Арнольди стали получать живые деньги. Срок контракта на 2,5 года должен был истечь 1 октября 1825 года. Согласно купчей, оформленной в Одесском коммерческом суде 12 ноября 1826-го, этот дом и место Поцци (Арнольди) перешли в собственность коммерции советника *Жана (Ивана Петровича) Рено*.⁴⁵ Далее строения и места отошли протоиерею *Нестору Святенкову*,⁴⁶ а затем его вдове,⁴⁷ которая тоже отдавала его внаем по частям вкупе с различными служебными строениями.⁴⁸ Не позднее 1828 года Святенков «состоял на священнической вакансии при Одесском соборе», был выдающимся проповедником, очень много сделал для организации Дома призрения нищих при Старом кладбище.⁴⁹ Недвижимость священнослужителей и их вдов, согласно существовавшим правилам, освобождалась от уплаты налогов.

Дом на семи ветрах оставался во владении «протоиерейши Святенковой» довольно долго, до начала 1870-х,⁵⁰ а затем перешел к хорошо известному в исторических анналах семейству Вейнберг.⁵¹ Любопытно, что тогда же Городское девичье училище располагалось напротив, на углу Соборной площади и Гулевой,⁵² где ныне 121-я общеобразовательная школа. Но это учебное заведение было рангом ниже, нежели обособленный Одесский институт благородных девиц. Впоследствии «наш дом» перешел к небезызвестному семейству Базили.⁵³

* * *

Подведем итоги. Первые престижные учебные заведения Одессы находились в пределах одного и того же квартала (кварталом тогда называлась вся территория, ограниченная четырьмя улицами, в данном случае Садовой, Дворянской, Коблевской и Соборной площадью), лишь меняя дислокацию – переходя из угла в угол, а то и занимая два угла синхронно. Дом на семи ветрах отмечен уникальным «мемориальным наполнением», в особенности на ранних этапах своего существования. Как благородный пансион он посещался всей элитой, включая не только городскую и краевую администрацию, но и, скажем, императора Александра Павловича (1818 г.). В нем воспитывались представительницы многочисленных благородных фамилий города и региона.

Как служебные квартиры генералитета и чиновников, а затем офис Одесского строительного комитета он сконцентрировал практически весь цвет юной Одессы, все пушкинское окружение. Невозможно предположить, что посещавший Собор и соседний дом Кирияковых Пушкин мог миновать «Семь ветров», тем более что там обитала масса знакомцев. Вот лишь краткий перечень историческим персонажам, посещавшим его, служившим, квартировавшим, воспитывавшимся здесь. Ришелье, Рошешуар, Сен-При, Растиньяк, Кобле, Ланжерон, Трегубов, Гурьев, Инзов, Воронцов, Казначеев, Рибопьер, Сабанеев, аббат Николь, братья Фраполли, Ферстер, Потье, Боффо, Дигби, Круг, Шааль, Гаюи, Лехнер, Торичелли, Морозов, Рено, де Рибасы, Шостаки, Ризнич, Лучичи, Давыдовы, Орловы, Волконские, фон Том, Аркудинские, Кирияковы, Андрияш, Акацатовы, Роскеты, Лореры, Арнольди,

Сикары, Бларамберги, Дембровские, Андросовы, Протасовы, Авчинниковы, Новиковы, Крамаревы, Амвросио, Инглези, Маразли, Фундуклей, Ралли, Кумбари, Коронелли, Кирико, Левенсоны, Скаржинские, Потоцкие, Нарышкины, Ржевуские, Сабанские, Лопухины, Римский-Корсаков и так далее и так далее. Девичий институт, несомненно, посещали не только император Александр I, но и другие венценосные особы.

Офис Строительного комитета не могли обойти вниманием все, кто, по крайней мере в первой половине 1820-х годов, строил дома или промышленные заведения, обустроивал хутора, обращался за утраченными владельческими документами, участвовал в аукционных торгах по заключению подрядов, реализации недвижимости, просто-напросто платил налог с недвижимости и проч. То есть здесь побывала, что называется, *вся Одесса пушкинских времен*. Этот дом находился меж Собором и домом Кирьяковых, то есть на достоверном и регулярном пушкинском маршруте. Вполне вероятно, что Поэт навещал здесь кого-либо из чиновников или военных.

Полагаю, никакие ветра не могут окончательно истребить памяти, если не нашей конкретно, то интегральной, общечеловеческой. Даже на сильно продуваемом месте. И с этим утешительным тезисом – вперед по жизни!

Продолжение следует

Примечания

¹ ОГИКМ, инвентарный № К-600.

² Одесса: 1794-1894. – Одесса, 1895, с. 621.

³ ГАОО, ф. 44, оп. 1, д. 15. – 71 л.

⁴ Одесса: 1794-1894. – Одесса, 1895, с. 622.

⁵ ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 16; К.Н. Смольянинов. История Одессы. – Одесса, 1853, с. 151.

⁶ Л.А. Черейский. Пушкин и его окружение. – Ленинград: Наука, 1989, с. 193; А.И. Третьяк. Отец и сын Кирьяковы. – Третья Міжнародна науково-практична

конференція, присвячена 50-річчю з дня відкриття Одеського історико-краєзнавчого музею. 27-29 квітня 2006.

⁷ ОГИКМ, інвентарний № К-602.

⁸ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 96, л. 362.

⁹ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 258, л. 188.

¹⁰ Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 52, 153, 210, 273, 301.

¹¹ ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 258, л. 191.

¹² Там же, ф. 2, оп. 5, д. 259, л. 139.

¹³ Одесса: 1794-1894. – Одесса, 1895, с. 625.

¹⁴ Из прошлого Одессы. – Одесса, 1894, с. 305.

¹⁵ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 96, л. 473-496.

¹⁶ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 262, л. 147.

¹⁷ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 264, л. 136, 208 об. – 209; Там же, ф. 59, оп. 1, д. 65, л. 441-442, 578-579; Там же, д. 96, л. 473-496.

¹⁸ Там же, ф. 59, оп. 1, д. 75, л. 57-60; Там же, д. 96, л. 473-496.

¹⁹ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 265, л. 157.

²⁰ Одесса: 1794-1894. – Одесса, 1895, с. 625; Из прошлого Одессы. – Одесса, 1894, с. 306; Е.В. Полевщикова. Французы в учебных заведениях Одессы. 1803-1822 гг. Французский ежегодник. – М.: ИВИ РАН, 2011, с. 110-126.

²¹ ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 267, л. 126, 431.

²² Там же, л. 444.

²³ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 266, л. 223.

²⁴ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 274, л. 550-551.

²⁵ Там же, л. 532.

²⁶ Там же, л. 531.

²⁷ Одесса: 1794-1894. – Одесса, 1895, с. 703.

²⁸ Из прошлого Одессы. – Одесса, 1894, с. 299.

²⁹ ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 179, л. 6 об.

³⁰ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 274, л. 531.

³¹ Ю.Н. Гуляев. Братья Арнольди в войне 1812-1814 гг. – Музей-панорама «Бородинская битва»: Материалы II-й научной конференции. – Москва, 29 апреля 1999.

³² ГАОО, ф. 44, оп. 1, д. 15, л. 36 об.

³³ Одесса: 1794-1894. – Одесса, 1895, с. 703.

³⁴ ГАОО, ф. 1, оп. 171, д. 22.

- ³⁵ А.О. Смирнова-Россет. Дневник. Воспоминания. – М.: Наука, 1989.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 281, л. 271-272.
- ³⁸ Там же, л. 278-279.
- ³⁹ Там же, ф. 59, оп. 1, д. 4, л. 161-162; Там же, д. 164, л. 976.
- ⁴⁰ Там же, ф. 59, оп. 1, д. 164, л. 975, 977-979.
- ⁴¹ Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 215, 3-я часть, № 117.
- ⁴² Там же, № 91.
- ⁴³ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 283, л. 535-537.
- ⁴⁴ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 284, л. 281-282.
- ⁴⁵ Там же, ф. 59, оп. 1, д. 663, л. 167; Одесский вестник. – 1831, 6 мая, № 36.
- ⁴⁶ ГАОО, ф. 4, оп. 8, д. 942, л. 21 об., № 231.
- ⁴⁷ Список домам и прочим строениям, состоящим в I-IV-й части города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., с. 35.
- ⁴⁸ Одесский вестник. – 1844, 24 июня, № 51.
- ⁴⁹ Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 219, 220, 221, 222, 296.
- ⁵⁰ ГАОО, ф. 274, оп. 1, д. 2, л. 35-36.
- ⁵¹ К. Висковский. Путеводитель по городу Одессе. – Одесса, 1875, с. 59, 60; Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 440, 576.
- ⁵² К. Висковский, там же, с. 59.
- ⁵³ В.И. Фельдберг. Вся Одесса. – Одесса, 1899, с. 33; Вся Одесса на 1911 год. Ч. 4, ст. 100.

